

жизни): почему у перепела хвост короткий, почему у зайца три губы, почему верблюду оглядывается, когда пьет, и др. В сказках есть и упоминания об исторических личностях (Джучихан, Сураншы Ахылбеков и др.) и о караванной торговле с Бухарой.

Казахскому народу много бедствий приносило соседнее воинствующее Кокандское ханство (XIX в.). Встречающиеся в сказках названия некоторых местностей свидетельствуют об этих исторических событиях. Например, «кара-кумские колодцы стали называться Адам кырылган, что означает — погубили люди» (стр. 217). Это связано с тем временем, когда казахи, преследуемые кокандцами, ушли в глубь пустыни Кара-Кум и погубили у безводных колодцев. Наряду с действительными названиями местностей (Ак-Мечеть, Карсакапай, Сары Арка и др.) в сказках встречаются символические, сказочные — Барса-Кельмес (пойдет — не вернется), Жер-Уюк (обетованная, благодатная земля) и др.

В сказках фигурируют певцы — жирши, күйши, по всякому случаю сочиняющие песни, кюи, выражающие думы, чаяния трудящихся масс. Своим песенным искусством и виртуозной игрой на кобызе, домбре они спасают простой народ от сурового ханского гнева, воспевают благородство бедняка и высокое чувство материнства («Хатымтай и его скакун», «Мудрый старик», «Ответ күйши» и др.).

Сказки, помещенные в сборнике, дают представление об образности, традиционных приемах казахского сказочного эпоса. Таковы, например, числа «сорок», «шесть»: 40 дыр, 40 визирей, 40 верблюдов, 40 жигитов, 40 козлов; 6 степей, 6 горных перевалов (стр. 346). Свадьба длится 40 дней и 40 ночей (стр. 116) и т. д. Характерная особенность казахских сказок — включение в них загадок на разные случаи жизни и бытовые предметы.

Переводы сказок (особенно Н Анова, В. М. Сидельникова, Л. Макеева) очень хороши. Они передают национальный колорит сказок, особенности художественного мышления, поэтические образы, своеобразный строй речи казахов. Однако в них встречаются и некоторые шероховатости, неточности, связанные с недостаточным знанием быта казахов в прошлом. Именно поэтому в сказках фигурируют колбаса вместо «казы» (название национального блюда), кровать вместо «тосек», выдолбленная тыква с айраном, которую будто бы можно положить в карман, и т. д. Не всегда последовательно употребляются те или иные термины: например, в одной и той же сказке монеты называются то тенге, то дилла (стр. 290), встречаются даже рубли (стр. 319).

В. М. Сидельников использовал переводы сказок, помещенных в фольклорно-этнографических печатных и рукописных сборниках, в периодических изданиях, а также произведения казахских поэтов.

В предисловии к сборнику В. М. Сидельников, помимо истории публикации казахских сказок и характеристики собирательно-исследовательской деятельности казахских просветителей Ч. Валиханова, А. Кунанбаева, И. Алтынсарина, впервые дает оценку переводам казахских сказок на русский язык. Автором дана также классификация казахских сказок по внутрижанровым разновидностям и характеристика их художественных особенностей.

Примечания к текстам составлены полно, с соблюдением всех требований для паспортизации. Кроме того, даны сведения обо всех переводах публикуемых сказок.

Ценным пособием для читателей является библиография «Казахская народная сказка», составленная также В. М. Сидельниковым. В ней указаны публикации казахских сказок (дореволюционных и советских) в сборниках и периодической печати, а также исследования о казахской сказке. Сборник снабжен постраничным словарем национальных терминов, выражений, сказочных образов (женге, Шоин-Кулак, Жалмауыз-Кемпир и др.).

Для художественного оформления сборников использован национальный орнамент. Десять иллюстраций-вклеек (худ. К. Баранов) оживляют образы сказок, воссоздают национальный колорит, воспроизводят в манере старинной живописи традиционное вооружение, национальные костюмы.

М. Алиева, З. Жантекеева

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР *

Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР приступил к выпуску трех новых серийных изданий: «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», «Археология и этнография», «Материалы и исследования по этнографии Латвийской ССР».

Первое из названных трех серийных изданий выходит на русском языке, с резюме на латышском и немецком языках, что делает его доступным для широкого круга

* «Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР», т. I — Нукшинский могильник, под редакцией Э. Д. Шноре и Т. Я. Зейда, Рига, 1957; «Archeologija un Etnografija», «Rakstu krājums», I, Rīga, 1957 (на латышском языке). Редакция: К. Страдинь, А. Дризул, М. Степерманис, Т. Зейд.

читателей. Остальные два издания выходят на латышском языке, однако публикуемые в них статьи сопровождаются довольно пространными резюме на русском языке. В 1957 г. вышло в свет по одному тому первых двух изданий; в 1959 г. ожидается выход в свет начального тома третьего серийного издания.

В дальнейшем «Археология и этнография» будет публиковаться как ежегодник, остальные два издания будут выходить эпизодически.

Материалы археологических и этнографических исследований Прибалтики, в частности Латвийской ССР, имеют огромное значение не только для изучения этнической истории, культуры и быта народов Прибалтики, но и для правильного понимания истории соседних с ними славянских народов. Можно без преувеличения сказать, что без использования археологических, этнографических и антропологических материалов Прибалтики нельзя, например, с достаточной полнотой разрешать проблему этногенеза северных групп восточного славянства. Между тем доступность этих материалов была весьма ограниченной. Многие из них не опубликованы или опубликованы в виде кратких информаций о раскопках. Археологические и этнографические публикации буржуазного периода в Латвии, кроме неполноты, страдают и порочностью методологических установок.

Первый том «Материалов и исследований по археологии Латвийской ССР» посвящен публикации материалов раскопок Нукшинского могильника — первого погребального памятника на территории Латвии, который был исследован целиком.

Нукшинский могильник находится на западном берегу оз. Пилда, в 11 км южнее г. Лудзы, на территории Лудзенского района Латвийской ССР, т. е. там, где в 1890-х годах производились частичные раскопки известного Люцинского (Лудзенского) могильника¹, являвшегося вплоть до последнего времени единственным археологическим источником для характеристики культуры и быта древних латгалов.

Опубликованные материалы раскопок Нукшинского могильника создают большие возможности для всестороннего их использования. Эти материалы позволяют определить до известной степени уровень развития производительных сил у древних латгалов и их экономические и культурные связи с соседним древнерусским населением.

Публикация материалов раскопок Нукшинского могильника подготовлена Э. Д. Шноре, А. Э. Зариней и И. В. Дайгой. Рисунки для публикации выполнены С. А. Элер. Перевод на русский язык осуществлен Р. П. Шноре.

Книга содержит предисловие, шесть глав (I. Вид погребения; II. Хронология могильника; III. Орудия труда. Оружие; IV. Одежда и украшения; V. Социальное расслоение в отражении погребальных инвентарей; VI. Антропологический материал) и приложение — сводную таблицу погребений и отчет по дневнику раскопок. Книга хорошо иллюстрирована и снабжена 52 таблицами рисунков вещей и погребений. В конце книги дан план расположения погребений Нукшинского могильника. Общий объем книги 19,95 авт. листов.

За два года раскопок (1947—1948) было исследовано 218 погребений Нукшинского могильника в грунтовых могилах, датированных IX—XII вв. Фактическое число захоронений было, вероятно, больше. Часть их могла быть уничтожена при длительной распашке поверхности могильника. Это обширное кладбище принадлежало территориальной (сельской) общине латгалов. Численность захоронений свидетельствует о большой плотности населения Восточной Латвии².

Подробно анализируя виды погребений в Нукшинском могильнике, Э. Д. Шноре установила, что здесь, как и в других могильниках латгалов, характерным признаком является ориентация мужских погребений головой на запад, а женских — на восток.

Интересно отметить, что здесь обнаружено пять женских (судя по инвентарю) погребений остатков трупосожжений, произведенных вне кургана, что свидетельствует о погребении в могильнике нелатгальского населения и о тесных связях латгалов с соседним славянским и литовским населением, у которого в IX—X вв. бытовал обряд трупосожжения.

Погребение остатков трупосожжений в Нукшинском могильнике сопровождалось чисто латгальским погребальным инвентарем. Это обстоятельство свидетельствует о том, что об этнической принадлежности умершего нельзя судить только на основании погребального инвентаря, как это нередко допускают некоторые археологи.

Разрешая вопрос о хронологии могильника, Э. Д. Шноре подробно анализирует погребальный инвентарь. Приводимые ею датировки отдельных вещей в основном не вызывают возражений. Но вряд ли в качестве датирующего материала могут быть использованы подковообразные фибулы со спиральными концами (табл. VII, 14—16), так как этот тип фибул, бытовавший на очень обширной территории, был известен еще в первой половине I тысячелетия н. э. и доживает до первых веков II тысячелетия. Приходится сожалеть, что автор только упоминает о перстнях и железных булавах, имеющихся в составе погребального инвентаря, тогда как эти вещи являются более надежным материалом для датировок.

¹ А. А. Спицын, Люцинский могильник, «Материалы по археологии России», № 14, СПб., 1893.

² Люцинский (Лудзенский) могильник насчитывал свыше 600 погребений.

Интересны сделанные наблюдения, что топоры и железные ножи встречаются только в мужских погребениях. Характерной чертой инвентарей богатых мужских погребений является наличие «воинских браслетов».

В книге нигде не говорится о находках керамики в погребениях. Видимо, ее не было, но об этом следовало бы сказать.

Исключительный интерес представляет глава IV «Одежда и украшения», написанная А. Э. Зариней. Автор с большим знанием дела анализирует фрагменты тканей, полученных из раскопок, раскрывает технику их изготовления и дает представление о женской и мужской одежде древних латгалов. В связи с этим становятся понятными, например, находки в погребениях мелких спиралек, которые являлись украшением одежды.

Глава V «Социальное расслоение в отражении погребальных инвентарей», написанная Э. Д. Шноре, не разрешает с достаточной четкостью поставленной автором задачи. Беспорно, что в IX—XII вв., в период действия Нукшинского могильника, у латгалов имело место социальное расслоение. Но попытки автора расценить погребения Нукшинского могильника по количеству найденного в них инвентаря на четыре категории мало обоснованы.

К первой категории автор относит мужские погребения с исключительно богатым инвентарем — украшениями и оружием (стр. 40). Ко второй категории относятся богатые мужские погребения с сопровождающими предметами такого же характера, как в погребениях первой категории, но в меньшем количестве (стр. 41). Эти погребения датируются рубежом VIII—IX вв. Но далее автор признает, что «более поздние погребения второй категории отличаются большим количеством и богатством предметов роскоши» (там же). Возникает вопрос: во-первых, чем же отличаются в таком случае погребения первой категории от погребений второй категории, во-вторых, не является ли различие в количестве инвентаря погребений (по составу он одинаков) хронологическим признаком?

Непонятна также разница между женскими погребениями первой и второй категорий (стр. 42—43). Третья категория женских погребений совсем не характеризуется. Поэтому кажется неубедительным вывод автора в конце главы, что в погребениях первой категории «закоронены те представители верхнего слоя знатной и влиятельной аристократии древней Латгалы, из среды которых происходили владельцы замков феодального характера и замковых округов — так называемые «seniores» «Хроники Ливонии» Генриха Латыша» (стр. 46).

Также недостаточно убедительны заключения автора, что погребения второй категории относятся к «боярам» и знатым воинам, а в погребениях третьей категории «представлена вся многочисленная масса вольных крестьян, ремесленного люда и замковой «челяди» (стр. 46).

В бедных немногочисленных погребениях четвертой категории автор видит представителей несвободных людей или рабов (стр. 46). При этом автор упускает из виду, что погребения всех четырех категорий, как мужские, так и женские, располагались в могильнике попеременно.

В главе VI «Антропологический материал» И. В. Дайга приводит краниологические данные по двенадцати мужским, женским и детским черепам из погребений Нукшинского могильника и дает таблицу их измерений. Эти материалы, несомненно, окажутся полезными при дальнейших палеоантропологических исследованиях.

Несмотря на недочеты в отдельных главах книги, издание материалов раскопок Нукшинского могильника является большим успехом латышских археологов.

* *
*

Сборник «Археология и этнография», т. I, включает краткое предисловие и семь статей — три археологических и четыре этнографических.

Сборник открывается статьей Э. Д. Шноре «Asotes pilskalna krāsnis» («Печи городища Асоте») (стр. 5—19), представляющей огромный интерес как для археологов, так и для этнографов. Автор детально описывает остатки 73 печей, обнаруженных в раскопках городища Асоте. Названное городище расположено на правом берегу р. Даугавы, в 3 км выше г. Крустпилса, и представляет собою многослойный памятник, оставленный древними латгалами. Городище в течение ряда лет раскапывалось Э. Д. Шноре. Опубликованные в настоящем сборнике материалы составляют лишь часть обширных собраний, о которых Э. Д. Шноре неоднократно докладывала на археологических сессиях в Москве, Вильнюсе и Риге³.

Печи городища Асоте по своему назначению разделяются автором на две группы. 1) «бытовые печи», использовавшиеся главным образом для приготовления пищи, и 2) печи, связанные с ремесленным производством. Подавляющую часть составляют «бытовые печи» (63).

³ См. Э. Д. Шноре, Поселения латгалов, «Тезисы докладов на Объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии)», М., 1955, стр. 39—40.

Автор с большой тщательностью анализирует устройство печей различного типа. Во время раскопок ей удалось проследить много интересных особенностей в их устройстве. Описание печей сопровождается большим числом иллюстраций.

Бытовые печи помещались в углу дома, но более древние из них устраивались посредине жилища. Конструкция печей, в связи с их плохой сохранностью, может быть определена с большим трудом. Но все же удалось установить, что глиняные печи возводились как на каменной основе, так и без нее. В глине, из которой изготовлены некоторые печи, обнаружена примесь соломы. Свод печей сделан из глины, с каменной обкладкой. В отдельных случаях печи имели деревянную раму.

Глиняный под печей, как это удалось проследить автору, неоднократно подправлялся, иногда до 13—15 раз (стр. 9). Нередки случаи, когда новые печи возводились на месте более старых. Устья печей ориентированы различно: на восток, запад и юг.

Оценивая весьма положительно рецензируемую статью, мы хотели бы вместе с тем указать на некоторые досадные пробелы или недоделки. Существенным недостатком статьи является то, что автор описывает «бытовые печи», не увязывая это с описанием остатков жилищ; поэтому и назначение печей во многих случаях вызывает сомнения. Только в двух случаях при описании печей автор говорит, что они находятся в жилищах (стр. 14), но эти жилища охарактеризованы очень скупо.

Описывая «бытовые печи», автор подразделяет их на три подгруппы: круглой или овальной формы; подковообразной формы; печи с обкладкой из дерева. Такое подразделение не совсем ясно. Если первые две подгруппы различаются по форме печей в плане, то третья подгруппа выделена по конструктивному признаку. Обкладка из дерева могла быть у печей различной формы.

Автор обходит молчанием вопрос, почему печи имели различную форму. Было ли это случайным явлением или связано с различным назначением печей, а может быть это различие хронологического порядка?

В статье ничего не говорится о находках вещей и керамики около печей или при их разборке, а это в значительной степени помогло бы датировать печи и более точно определить их назначение.

Печей для ремесленного производства автор насчитывает восемь (гончарные горны и печи для плавки бронзы). Они характеризуются полнее, чем «бытовые печи».

В статье совершенно отсутствует даже общая характеристика городища и его культурных слоев, что в известной степени затрудняет определение вскрытых остатков печей.

Характеризуя печи городища Асоте, Э. Д. Шноре прибегает к широким, явно неоправданным аналогиям. Так, печи с глинобитными сводами сравниваются с печами Старой Рязани и поселений трипольской культуры (стр. 13). Аналогии производственной печи А № 22, датируемой X в. н. э., автор видит в очагах Галической стоянки, датируемой началом I тысячелетия до н. э. (стр. 16). Другие печи Асотского городища сравниваются с печами Западной Африки (стр. 19).

Ряд интереснейших вопросов, характеризующих уровень развития ремесленного производства у древнего населения Латвии, поставлен археологом А. Я. Стубавс в статье «Amatniecība 6—8. gs. pēc archeoloģiskiem atradumiem Kēntes pilskalnā un armetnē» («Ремесло VI—VIII вв. по данным городища и селища Кентескалнс» (стр. 21—43).

Городище и селище Кентескалнс, расположенные в 40 км юго-восточнее Риги, в районе Огре, представляют собою исключительно ценные памятники, раскопки их производит в течение нескольких лет А. Я. Стубавс. На городище было вскрыто 2940 м² культурного слоя и на селище 2955 м². Эти памятники датируются VI—VIII вв. В результате раскопок получена богатая коллекция находок.

Анализ железных предметов, найденных на городище и селище, позволил установить, что их обитателям была знакома не только обработка железа, но и стали. Сырьем являлась местная болотная руда. При выработке различных изделий применялись термическая обработка и спайка. Для обработки лезвий орудий труда использовалась сталь.

В нижнем слое селища было открыто 43 очага, в том числе печь для обработки железа, коточая находилась за пределами жилищ. Эта печь стратиграфически датируется VII—VIII вв.

Литейщики-ювелиры изготавливали главным образом предметы украшения, пользуясь домашним очагом. Так, около очага № 20 (в жилище) было найдено 128 фрагментов тиглей, стальное долото, сплав цветных металлов, бронзовые предметы, целые и в обломках керамика, кости, глиняные бусы.

Автору удалось определить четыре типа тиглей, употреблявшихся в литейном производстве, что привело его к выводу о специализации этого производства в VIII—IX вв.

По найденным в раскопках материалам удалось установить применение литейных формочек из глины (для изготовления шейных украшений), литья по восковой модели, шлифовки,ковки, штамповки и гравировки. Все это свидетельствует о высоком мастерстве литейщиков-ювелиров городища и селища Кентескалнс.

Следует отметить, что автор выходит из рамок статьи, определенных ее заглавием, рассматривая и домашнее производство.

Изготовление глиняной посуды в Кентескалнс производилось исключительно ручным способом в домашних условиях. Найдены лепная штрихованная (40% от общего числа находок), гладкостенная (51%) и шероховатая керамика. Сетчатой керамики найден всего один фрагмент. Есть керамика с налепами близ края, с защипами и ложеной поверхностью.

А. Я. Стубавс удалось сделать интересные наблюдения по изготовлению шероховатой керамики. По стенкам уже подсохшего сосуда накладывался слой жидкой глины, которая, засыхая, образовывала узорные разводы, что придавало посуде большую прочность (стр. 29).

Автор приводит некоторые, к сожалению очень краткие, сведения о других отраслях домашнего производства (обработка кости, камня, выделка кожи, прядење и ткачество). В таблицах даны образцы найденных орудий труда. С основными выводами автора можно согласиться. Основываясь на материалах городища Кентескалнс, автор справедливо утверждает, что в VI—VIII вв. в Латвии наблюдалась первая стадия развития ремесла, предшествующая образованию городского ремесленного производства. В этот период происходила специализация литейного ремесла и отделение его от ремесла кузнечного. Материалы прилегающих могильников VI—VIII вв. свидетельствуют также о широком распространении в то время ювелирных изделий. Интенсификация земледелия и скотоводства способствовала дальнейшему развитию ремесла.

Статья А. Стубавс включает еще один раздел, по существу также выходящий за рамки ее основного содержания, но интересный сам по себе — об оборонительных и жилых сооружениях (типы их на городище и селище, строительная техника, способ устройства печей и очагов и некоторые другие данные). Автор констатирует, что особенно тщательно сооружались оборонительные сооружения городища (срубные, некоторые — с фундаментом из камня). Оборонительные конструкции деревянного замка были укреплены вкопанными в землю столбами. Жилые постройки в селище в большинстве также были срубные (из круглых бревен, из бревен, стесанных в местах их соприкосновения, из бревен с укладкой в паз). Применялась обмазка глиной стен и потолочного перекрытия. Используя куски хорошо сохранившейся глиняной обмазки и привлекая некоторые другие данные, автор сделал попытку, на наш взгляд удачную, реконструировать общий вид одной из жилых построек селища (XXVII постройка). Она представляет собою однокамерное срубное строение с массивным бревенчатым перекрытием, имеющим наклон в сторону, противоположную от входа. Бревна перекрытия снаружи обмазаны толстым слоем глины, поверх которой положен слой дровесной коры и затем дерн.

Постройки аналогичной конструкции были обнаружены ранее и на других городищах Латвии (Даугмале, Танискалнс). Чрезвычайно интересны приводимые в статье материалы о типе очагов и печей, обнаруженных внутри жилых строений. Это открытые очаги или печи-каменки, существенно отличающиеся по материалу и конструкции от печей в городище Асоте, что отражает, по-видимому, локальные особенности в развитии печей на территории Латвии и находит аналогию в позднейшем этнографическом материале. Заслуживает внимания упоминание автора о летних кухнях, названных им «шалашевидными постройками над летними очагами», имеющих параллели в этнографических материалах. Такие кухни встречаются на севере и западе Латвии.

Характеристику ремесленного производства у обитателей Кентескалнс дополняет статья А. Антеина «Kentes piskalna dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras īpašības un izgatavašanas tehnoloģija» («Изучение структуры, свойств и технологии производства железных и стальных изделий, найденных на городище Кенте») (стр. 45—50), в которой сообщаются результаты изучения 28 железных и стальных изделий, найденных на городище.

Статья хорошо иллюстрирована. Даны таблицы изделий из металла: ножей, серпов, топоров, кос и других орудий труда; показаны технологические процессы их изготовления, приведены образцы микроструктуры металла (при увеличении в 100 раз).

Все четыре этнографические статьи являются разделами монографий, над которыми работают авторы. Этнографическая часть сборника открывается статьей С. Цимерманиса «Laukstrādnieku iedalījums, dzīvokļi un darba apstākļi Kurzemē un Zemgales rietumu daļā 19. gs. otra pusē» («Сельскохозяйственные рабочие в Курземе и Земгале, их жилище и условия труда во второй половине XIX в.») (стр. 51—73).

Статья содержит основные положения диссертации автора на ту же тему и представляет несомненный интерес. В ней ярко показано, что социальная дифференциация латвийской деревни не могла не привести к не менее резким различиям в быту и культуре отдельных социальных групп крестьянства. Интенсивный ход развития капитализма в латвийской деревне привел уже к моменту выкупа крестьянами земли в собственность (1860-е годы) к имущественному и социальному расслоению крестьянства. В последующие десятилетия этот процесс протекал с возрастающей силой. Достаточно сказать, пользуясь цифрами, приведенными автором рецензируемой статьи (стр. 52), что в бывшей Курляндской губернии (т. е. в Курземе и Земгале) в 1890-е годы из каждых 100 человек, занятых в сельском хозяйстве, 75 должны были работать по найму. В этнографической литературе, издаваемой при царизме, равно как и при буржуазном строе, эти вопросы не освещались. Некоторые данные о быте безземельного крестьянства и батраков содержатся лишь в публицистической литературе того вре-

мени. Этнографы Советской Латвии, получившие серьезную марксистскую подготовку, поставили перед собой задачу восстановить подлинную картину быта и культуры трудового крестьянства и сельскохозяйственных рабочих Латвии в XIX в. Исследования С. Цимерманиса являются одним из первых опытов работ, начатых в этой области⁴.

В опубликованной в настоящем сборнике статье автор, привлекая новые полевые и архивные материалы, воссоздает мрачную картину условий труда и быта латвийских батраков, среди которых были мужчины и женщины разных возрастов, подростки и малолетние дети. В статье приводятся интересные данные о категориях сельскохозяйственных рабочих в Латвии во второй половине XIX в., сообщаются условия их найма, в которых капиталистические формы эксплуатации хитроумно переплетаются со старыми феодальными формами.

Подробно характеризуются тяжелые жилищные условия батраков. Описываются жилые помещения, выделенные в кулацких домах для семейных и холостых батраков, их обстановка и убранный; в статье даны соответствующие иллюстрации.

Однако автор, к большому сожалению, не касается других сторон батрацкого быта.

К серии работ, посвященных вопросам этнической истории народов Прибалтики, относятся статьи А. Крастыни «Vidzemes Zemnieku mājojklī klaušu saimniecības saīšanas periodā» («Крестьянское жилище в Видземе в период разложения барщинного хозяйства») (стр. 75—97) и И. Лейнаса «Zemkopības darba rīki klaušu saimniecības saīguma posmā» («Орудия сельскохозяйственного труда в период разложения барщинного хозяйства») (стр. 99—114). Оба автора участвуют на протяжении ряда лет в работах Прибалтийской комплексной экспедиции⁵, ими изучены также обширные архивные и литературные источники.

Статья А. Крастыни представляет значительный научный интерес и выгодно отличается от других исследований жилища центральной и северной части Латвии—Видземе, в которых речь идет лишь о жилой риге, являвшейся якобы единственным типом жилища видземских латышей⁶. Автор, на основании полевых и архивных материалов, приходит к выводу, что в Видземе параллельно существовали два типа жилища: жилая рига — постройка, объединяющая жилое помещение и хлебоушильню, и специальное обособленное жилое строение — истаба (istaba). Автор с большой тщательностью описывает оба типа жилища, демонстрируя в сопровождаемых статье иллюстрациях их конструктивные варианты и строительные детали. Автор считает, что жилой дом-истаба является исконным жилищем видземских латышей, а появление жилой риги обусловлено влиянием соседних эстонцев и отдельных, живших на территории Видземе эсто-ливских групп (стр. 95). С предположением автора о возникновении этих двух типов жилища в разной этнической среде можно согласиться. Однако вызывает большое сомнение его высказывание о том, что широкое распространение жилой риги в Видземе было обусловлено ухудшением экономических условий жизни барщинных крестьян, что будто бы повлекло за собой и вытеснение на определенное время второго типа жилища — истабы. Вопрос этот требует проведения более углубленного исследования, что, возможно, и найдет свое отражение в подготовке А. Крастыней монографии. Очень ценно включение в статью материалов, характеризующих бытовую обстановку крестьянского жилища, но жаль, что к этому разделу не дано никаких иллюстраций.

И. Лейнаса посвящает первую часть статьи характеристике систем земледелия. Наибольший интерес представляет описание двух способов обработки лесного перелога на территории Латвии. Наименее освещен в литературе способ сжигания кютаса (сложенных в кучи сучьев и дерна). Указав, что этот способ применяется в Латвии в Видземе и северной Курземе, т. е. на территории, населенной в прошлом ливскими племенами, и что он был широко известен в Эстонии, автор не без основания рассматривает данный способ обработки перелога как явление, специфическое для финно-угорских народов.

Вторая часть статьи посвящена описанию орудий для обработки почвы: сох, борон, различного типа катков. Кроме полевых записей, зарисовок и проч., привлечен значительный архивный материал, широко использованы литературные источники. Очень ценны данные по терминологии, связанной с сельскохозяйственными орудиями, собранные автором в экспедициях.

В рецензируемой статье автор высказывает лишь некоторые положения о наличии локальных особенностей в типах или деталях сельскохозяйственных орудий, а также о различиях в терминологии, но выводов, касающихся этногенеза латышей, на основе этих материалов не делает, в отличие от статьи, опубликованной ею в журнале «Советская этнография»⁷. В резюме на русском языке, к сожалению,

⁴ Защита диссертации на степень кандидата исторических наук состоялась в г. Риге на заседании Ученого совета Института истории и материальной культуры Академии наук Латв. ССР. Май, 1958 г.

⁵ О работах экспедиции см. статьи в журнале «Сов. этнография» (1953, № 1, стр. 182—190; 1954, № 3, стр. 106—111; 1956, № 2, стр. 3—17; 1957, № 4, стр. 156—163).

⁶ Ссылки на эти публикации приведены А. Крастыней в подстрочном примечании на стр. 77.

⁷ И. Лейнаса, «Земледельческие орудия латышей в XVIII—первой половине XIX в.», «Сов. этнография», 1957, № 6, стр. 19—30.

даже имеющиеся в статье отдельные высказывания опущены. Исследования И. Лейнаса вызывают большой интерес не только у этнографов, но и у археологов и историков Прибалтики. Было бы крайне желательно, чтобы публикация собранных ею обширных материалов в будущем была возможно более полной. Существенно отлична по теме последняя статья рецензируемого сборника — Л. Ефремовой «Dažas Latgales latviešu zemrīku ģimenes svinības 19. gadsimta otrā pusē» («О некоторых семейных торжествах латгальских крестьян-латышей во второй половине XIX века») (стр. 115—126). Научные интересы большинства этнографов Прибалтики, как и многих этнографов других республиканских и центральных научных учреждений, ограничены преимущественно исследованием отдельных сторон материальной культуры. Поэтому публикация статьи Л. Ефремовой, посвященной изучению некоторых сторон идеологии латышского народа, приобретает особую ценность. Л. Ефремова уже ряд лет занята изучением семейного быта латышей восточной Латвии (Латгалии), и включенная в рецензируемый сборник статья знакомит лишь с небольшой частью собранных ею материалов.

В данной статье рассматриваются два цикла обрядов: связанных с рождением детей и погребальных. Статья читается с большим интересом. Автор делает попытку объяснить происхождение отдельных обрядов. Она отмечает также, что многие дохристианские обряды, сохранившиеся в быту крестьян, приспособлялись и использовались в своих интересах католической церковью, имевшей огромное влияние в среде латгальского крестьянства.

Значение публикации подобных материалов, характеризующих идеологическую сторону крестьянского быта, было бы, однако, гораздо выше, если бы они относились не только к прошлому (XIX в.), а отражали и современность. Автор заканчивает статью призывом к советским историкам изучать и разъяснять народные традиции, чтобы успешнее бороться с устаревшими, не соответствующими социалистическому строительству обычаями. По нашему мнению, было бы уместно и в данной статье конкретно остановиться на тех старинных обрядах и обычаях, которые бытуют еще и по сей день и с которыми следует активно бороться.

В целом рецензируемые сборники заслуживают высокой оценки.

Удачно выбраны формат (62×92¹/₈) и шрифт. Расположение текста в два столбца дало возможность увеличить число иллюстраций. Оба сборника вообще иллюстрированы очень богато. В таблицах дано большое число предметов, и вместе с тем не создается впечатления перегрузки. Некоторые фотоснимки, ценные по содержанию, напечатаны несколько расплывчато. Зато все штриховые рисунки выполнены на высоком техническом уровне и с большим художественным вкусом. Особенной четкостью отличаются иллюстрации, поясняющие технику ткачества.

В последующих сборниках желательно увеличить число цветных иллюстраций, что имеет особое значение при публикации этнографических и археологических материалов по одежде.

С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ЯКУТСКОГО И МАГАДАНСКОГО МУЗЕЕВ *

В последние годы значительно оживилась краеведческая работа в ряде сибирских музеев. Об этом свидетельствуют рецензируемые сборники, подготовленные к изданию Якутским и Магаданским краеведческими музеями. И Якутский, и Магаданский музеи ведут большую экспедиционную работу по сбору археологических, этнографических и исторических материалов. Почти ежегодно, помимо экспедиций, сотрудники этих музеев совершают выезды в районы для изучения не только прошлого, но и современного быта и культуры коренного населения Сибири. Сборники научных статей Якутского и Магаданского музеев отражают многостороннюю краеведческую работу. Оба выпуска «Сборника» Якутского краеведческого музея построены по единому плану и взаимно дополняют друг друга.

Первый выпуск открывается статьей М. В. Местниковой «Емельян Ярославский в Якутском краеведческом музее» (стр. 3—22). Как известно, Ем. Ярославский, находясь в ссылке в Якутии (1913—1917), взял на себя обязанности консерватора Якутского краеведческого музея и впервые систематизировал его коллекцию. Благодаря его энергии, музей пополнился ценными этнографическими, ботаническими и минералогическими коллекциями и стал научным учреждением, единственным тогда в Якутском крае. В знак уважения к заслугам выдающегося коммуниста-революционера Якутскому республиканскому музею присвоено имя Емельяна Ярославского.

* «Сборник научных статей», Изд. Якутского республиканского краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, вып. 1, Якутск, 1955, 169 стр.; вып. 2, Якутск, 1957, 185 стр. «Краеведческие записки», Изд. Магаданского областного краеведческого музея, вып. 1, Магадан, 1957, 108 стр.